

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Второе сраженіе при Слободзеѣ.

3-го сентября, турки, большими толпами, вышли съ лѣваго фланга своего лагеря и, казалось, имѣли намѣреніе направиться на дер. Мальку, находившуюся на возвышенности, въ 4-хъ верстахъ отъ нашего праваго фланга, гдѣ они ясно видѣли, какъ мы заготовляли фуражъ и складывали сѣно въ большіе стога, что вызывало у нихъ большую зависть. Но наши казаки замѣтили ихъ и, тогда, ген. Булатовъ, съ тремя каре корпуса Эссена, отправился къ нимъ навстрѣчу и, послѣ трехъ-часового сраженія, въ которомъ мы потеряли около 50 человекъ, турки были принуждены отступить.

5-го сентября, вечеромъ, 2 или 3 турка, вообразивъ, что наши казаки хотятъ отбить ихъ лошадей, которыя, за недостаткомъ фуража, должны были пастись на лугу, передъ лагеремъ, произвели нѣсколько выстрѣловъ; казаки имъ отвѣтили, и вскорѣ, какъ обыкновенно, на нашемъ правомъ флангѣ возгорѣлось довольно живое дѣло ²⁾. Я взялъ съ собою три каре Булатова и, вмѣстѣ съ Эссеномъ, двинулся противъ турецкой конницы. Въ это время, наши казаки, такъ мало проявившіе свою дѣятельность 3-го числа и получившіе

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

²⁾ Если захотятъ начать дѣло съ турками, стоитъ только 2-мъ или 3-мъ казакамъ нѣсколько разъ выстрѣлить изъ пистолетовъ, и можно быть увѣреннымъ, что они сейчасъ же все выскочатъ изъ укрѣпленія. Я уже это замѣчалъ нѣсколько разъ.

за это выговоръ отъ Эссена, подъ начальствомъ храбраго Сысоева, которому не нужно было два раза повторять объ атакѣ, произвели великолѣпную атаку, какую мнѣ рѣдко приходилось видѣть у казаковъ. Они въ одинъ моментъ опрокинули турокъ, взяли много плѣнныхъ, захватили 3 знамени и порубили до 500 человекъ, среди которыхъ погибъ племянникъ визиря Гійжъ-ага, командовавшій сначала въ Никополѣ, а теперь пріѣхавшій сюда, чтобы повидаться съ дядей. Наша потеря состояла въ 70 казакахъ.

10 сентября у насъ произошло серьезное дѣло. Въ ночь съ 9-го на 10-е число турки построили сильный редутъ, передъ центромъ своего укрѣпленія, очень близко отъ нашей первой линіи. Эта постройка производилась такъ тихо, что мы узнали о ней только утромъ. Тогда мы, не ожидая никакихъ приказаній отъ главнокомандующаго, совершенно произвольно начали наступательное движеніе, вызвавшее генеральное сраженіе, которое могло бы обратиться въ рѣшительное, если бы того захотѣлъ Кутузовъ.

Замѣтивъ, что значительный по размѣрамъ турецкій редутъ не былъ еще оконченъ, и турки не успѣютъ закрыть его съ тыла, я рѣшилъ его захватить.

Когда вся первая моя линія начала наступленіе, то турки толпою вышли изъ своего лагеря и напали на нашъ лѣвый флангъ. Эссенъ и Булатовъ не успѣли подойти на помощь, и тутъ-то началось кровопролитное дѣло, затянувшееся очень долго. Наши казаки произвели двѣ блестящихъ атаки и причинили туркамъ большія потери, но и мы немало пострадали отъ огня непріятельскихъ батарей, особенно отъ расположенныхъ по ту сторону Дуная, причинившихъ намъ не мало потерь.

Вслѣдъ за симъ, взявъ съ собою Старо-Ингерманландскій полкъ и Петербургскихъ драгунъ, я направился къ редуту и занялъ передовую позицію, на разстояніи половины выстрѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ, я выставилъ 22-хъ пушечную батарею (изъ коихъ 6 были 12-ти фунтовыя) и открылъ огонь.

Видя это, Кутузовъ послалъ мнѣ приказаніе отойти оттуда, а когда я явился къ нему на возвышенность, онъ велѣлъ мнѣ снова начать атаку. Тогда я приказалъ ген. Энгельгардту наступать съ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ, который такъ же, какъ и его командиръ, во время всей кампаніи велъ себя необыкновенно смѣло и энергично. Впереди я снова выставилъ 22-хъ пушечную батарею и, въ первый разъ, присоединилъ къ нимъ 8 полковыхъ пушекъ; въ общемъ это составило 30 орудій, которыя, будучи хорошо направленными, причинили туркамъ огромныя потери. На наши залпы турки отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ 8 пушекъ, которыя имъ

удалось протащить въ редутъ вмѣстѣ съ пушками изъ стараго укрѣпленія и съ батарей лѣваго берега. Отъ этой массы выстрѣловъ, въ воздухѣ стоялъ почти непроницаемый дымъ, а снаряды падали, какъ градъ.

Во всей моей военной жизни я рѣдко испытывалъ то, что я пережилъ въ этотъ день. Можетъ быть я былъ не на своемъ мѣстѣ, но я чувствовалъ, что здѣсь было пропущено столько удобныхъ и выгодныхъ для насъ моментовъ, что во мнѣ явилась потребность разомъ все покончить; я прямо желалъ раздѣлить участь моихъ храбрыхъ солдатъ. Я давно уже замѣтилъ, что русскій солдатъ, хотя по натурѣ самъ и очень смѣлъ, но любить, когда его генераль идетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Поставивъ на лѣвомъ флангѣ каре 37-го и 45-го егерскихъ полковъ, лѣвѣе ихъ Ливонскихъ драгунъ, я предложилъ Эссену усилить правый флангъ и стать рядомъ съ Архангелогородскимъ полкомъ. Расположивъ такимъ образомъ войска, я отправился пѣшкомъ осматривать редутъ и, находясь въ 200 шагахъ отъ него, я увидѣлъ, что входъ въ него съ горжи оставался совершенно открытымъ. Тогда у меня быстро родилась мысль приказать Ливонскимъ драгунамъ заскакать большимъ галопомъ въ тылъ редута, а пѣхотѣ въ это время напасть съ фронта на оба фаса его.

Когда есть какая-нибудь возможность войти въ ретраншаментъ, у котораго горжа открыта, то этимъ укрѣпленіемъ можно легко овладѣть съ помощью кавалеріи, что именно я и хотѣлъ сдѣлать.

Я уже отдалъ всѣ распоряженія, какъ вдругъ получаю приказаніе отъ Кутузова отступить. Это уже повторилось во второй разъ!

Никогда еще мнѣ не приходилось такъ сильно сожалѣть о необходимости такого пассивнаго послушанія, которое, тѣмъ не менѣе, составляетъ главнѣйшую заслугу всякаго военнаго. Въ данномъ случаѣ, неисполненіе столь несвоевременно отданнаго приказанія, вызваннаго малодушіемъ, нашло себѣ оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, такъ какъ мои дѣла были не только въ блестящемъ положеніи, но они вѣроятно окончились бы полной побѣдой и взятіемъ даже самаго великаго визиря, который находился тогда въ редутъ и былъ раненъ въ правую руку.

Хотя я и не могъ предполагать, чтобы визирь находился въ такомъ опасномъ мѣстѣ, такъ какъ вообще визири не имѣли обыкновенія присутствовать на передовыхъ позиціяхъ и подвергать себя опасности, но въ данномъ случаѣ, визирь, въ силу необходи-

мости, былъ во главѣ своего войска, чтобы первому подавать примѣръ мужества, сражаясь среди огня.

И такъ, если бы я не былъ остановленъ Кутузовымъ, то я увѣренъ, что Ахметъ былъ бы убитъ.

Около трехъ часовъ дня, я отдалъ приказаніе объ отступленіи. Турки сдѣлали то же, а на другой день они занялись достройкою своего редута, которую и закончили передъ нашими глазами и закрыли горжу, поставивъ въ редутъ 12 пушекъ. Можно смѣло сказать, что преимущество этого дня оставалось на сторонѣ турокъ ¹⁾.

Вечеромъ я отправился къ Кутузову, жившему въ 8 верстахъ отъ лагеря, куда онъ, кстати, пріѣзжалъ очень рѣдко. Ген. Марковъ и я, мы оба употребили всѣ усилія, чтобы доказать ему весь стыдъ этого дня, и высказали, что для того, чтобы исправить эту ошибку, намъ остается только ночью захватить этотъ редутъ, который не могъ быть совершенно достроеннымъ и, какъ я узналъ, не былъ еще окончательно закрытъ. Мы порѣшили взять съ собой 2.000 человекъ охотниковъ изъ корпусовъ Эссена и Маркова и въ полночь произвести нападеніе, въ успѣхъ котораго мы могли надѣяться, тѣмъ болѣе, что оно должно быть совершенно неожиданнымъ, и турки, обыкновенно, послѣ большого сраженія, отдыхаютъ, не принимая никакихъ предосторожностей для охраненія себя.

Послѣ трехъ-часового старанія съ нашей стороны, чтобы склонить Кутузова на разрѣшеніе этого нападенія, мы добились, наконецъ, что онъ сказалъ намъ (вѣроятно, чтобы имѣть возможность хорошо выспаться), что бы дѣлали, что хотимъ.

Марковъ сейчасъ же отправился собирать своихъ 1.000 охотниковъ, которые въ одну минуту и были готовы; я же медлил собрать другую тысячу изъ корпуса Эссена, такъ какъ немного подо-

¹⁾ Въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ моихъ адъютантовъ, баронъ Шульцъ, отличился смѣлымъ подвигомъ, который онъ совершилъ съ полнымъ успѣхомъ. Мы находились вмѣстѣ, когда онъ, вдругъ, увидѣлъ между турецкимъ лагеремъ и ихъ редутомъ какого-то татарина, верхомъ на великолѣпной лошади, гарцующаго по полю. Казалось, что это была какая-то важная личность. Шульцъ летитъ галопомъ въ редутъ, проскакиваетъ среди турокъ, кидается на татарина, ударомъ сабли убиваетъ его и приводитъ ко мнѣ его лошадь. За этотъ лихой подвигъ я наказалъ его 24 часовымъ арестомъ, но я охотно хотѣлъ бы самъ понести такое же наказаніе за подобную храбрость.

1827 г. Шульцъ продолжалъ служить вмѣстѣ со мной, отличаясь своими подвигами въ войнахъ съ Наполеономъ. Онъ былъ произведенъ въ полковники егерскимъ полкомъ, участвовалъ въ Грузинскомъ походѣ и погибъ 27 лѣтъ, отъ выстрѣла изъ ружья, произведеннаго по неосторожности однимъ солдатомъ.

зрѣвалъ то, что дѣйствительно и случилось, а именно, Кутузовъ прислалъ мнѣ отмѣну своего разрѣшенія, а самъ уснулъ.

Нѣтъ ничего непріятнѣе для генерала, подчиненнаго другому, какъ имѣть начальникомъ человека безразсуднаго и боязливаго; ужъ лучше начальнику быть менѣе талантливымъ, но непременно болѣе предприимчивымъ.

Я никогда не страдалъ такъ нравственно, какъ въ концѣ этой кампаніи. Кутузовъ заставлялъ меня сожалѣть о кн. Багратионѣ и даже о гр. Каменскомъ, хотя онъ былъ умнѣе перваго и талантливѣе втораго.

Черезъ три, четыре дня, послѣ этого дѣла, турки выстроили еще одинъ редутъ передъ своимъ лѣвымъ флангомъ. Эти два редута прекрасно защищали не только ихъ лагерь отъ какихъ-либо нападений, но даже и фуражъ, которымъ теперь они могли пользоваться, какъ между редутами, такъ и около большого укрѣпленія.

Ген. Турчаниновъ доказалъ намъ, что производство набѣга на ту сторону Дуная не только возможно, но даже можно рассчитывать и на полный успѣхъ. Самъ онъ стоялъ въ Турно, имѣя предъ собой турецкій отрядъ въ 400 чел. Сначала этимъ отрядомъ командовалъ Гійжъ-Ага, племянникъ визиря, убитый 5 сентября, а затѣмъ, начальство надъ отрядомъ принялъ предводитель разбойничьей банды, составившій себѣ репутацію храбростью; впрочемъ, всѣ его подвиги заключались лишь въ томъ, что онъ, находясь въ редутѣ, построенномъ противъ редута Турчанинова, что при устьѣ р. Ольты, въ продолженіе дня разъ 200 или 300 стрѣлялъ изъ орудій.

15 сентября Турчаниновъ перешелъ Дунай, въ 5 верстахъ ниже Никополя, у с. Муссели, и разрушилъ довольно значительные магазины турокъ, при чемъ разбилъ и турецкій отрядъ, въ 400 чел., охранявшихъ ихъ; изъ нихъ до 100 чел. легло убитыми, и очень много попало въ плѣнъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Турчаниновъ преспокойно вернулся, черезъ Никополь, въ Турно. Вскорѣ послѣ этого, лагерь турокъ сталъ замѣтно уменьшаться и совсѣмъ исчезъ.

При нападении, въ отрядѣ Турчанинова находились: 50 чел. Олонецкаго полка, 50 казаковъ и 50 арнаутовъ. Онъ вовсе не обращался къ Кутузову за разрѣшеніемъ этого набѣга, такъ какъ былъ увѣренъ, что не получитъ его.

Что бы отнять у турокъ всякое желаніе проникнуть въ с. Мальки черезъ нашъ правый флангъ и разорить эту деревню, которая была для насъ единственнымъ источникомъ фуражированія, я построилъ 4 редута, изъ коихъ послѣдній былъ самый маленькій, но за то и

самый полезный; онъ былъ построенъ на возвышенности, въ 250 саж. отъ Дуная. Изъ этого редута я сдѣлалъ настоящую крѣпость и поставилъ туда 10 орудій. Возвышенность была покрыта кустарниками и прекрасной травой, весьма заманчивой для турецкой конницы, которая уже давно израсходовала свои запасы фуража и питалась только травой, находившейся около ихъ лагеря. Эти вновь построенные редуты привели турокъ въ полное отчаяніе, и они хотѣли уничтожить мою маленькую крѣпость, построивъ новый редутъ въ 200 саж. отъ нашего, а также выставивъ батарею на правомъ берегу Дуная, съ орудіями большого калибра. Но, видя, что огонь ихъ мало насъ беспокоитъ, рѣшили окружить нашъ холмъ редутами и, затѣмъ, атаковать его.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 80 чел., изъ которыхъ намъ особенно пришлось сожалѣть о маіорѣ Выборгскаго полка Змѣевѣ, командовавшемъ нашими стрѣлками. Онъ всегда отличался мужествомъ и храбростью и, по своей постоянной неустрашимости, кинулся въ самую середину сражающихся у Дуная и здѣсь былъ сильно раненъ, исколотъ штыками и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и 30 солдатами. Онъ былъ отведенъ къ визирю, который его хорошо принялъ и приказалъ его лѣчить и ухаживать за нимъ, а также и за его товарищами по несчастью. Какъ бы поступили у насъ, при подобныхъ обстоятельствахъ?

23 сентября турки имѣли дерзость, среди дня, построить редутъ на берегу Дуная, въ 600 шагахъ отъ нашего и въ 300 отъ моей крѣпости, скрытой кустарникомъ. Я извѣстилъ объ этомъ Кутузова, и, не ожидая уже отъ него приказаній (какъ наученный опытомъ), самъ отдалъ приказъ ген. Булатову снести этотъ редутъ. Маіоръ Дренякинъ съ 7-мъ егерскимъ полкомъ и маіоръ Бугнигскій съ 300 солдатъ Архангелогородскаго и Старооскольскаго полковъ, живо снесли его ударомъ въ штыки; а въ то же время Сысоевъ съ казаками, гр. Мантейфель съ Петербургскими драгунами и генер. Ланской съ Бѣлорусскими гусарами, блестящимъ образомъ атаковали турецкую конницу. Этимъ днемъ гр. Мантейфель совершенно искупилъ всѣ свои слабости и ошибки въ Рущукскомъ сраженіи, а Бѣлорусскій гусарскій полкъ вернулъ себѣ снова свою прежнюю репутацію. Въ этомъ дѣлѣ, гдѣ всѣ наши войска блестяще вели себя, мы потеряли 400 чел., потери же турокъ были весьма значительны, однихъ албанцевъ погибло въ редутѣ и потоплено въ Дунаѣ до 700 чел. Полученная нами добыча была весьма значительна ¹⁾.

¹⁾ Это было то самое дѣло, за которое Кутузовъ просилъ дать драгунамъ и гусарамъ награды за отличіе, но Государь отказалъ ему въ

Ночью, чтобы смѣнить сражавшіяся войска, для охраненія берега Дуная, я послалъ Бѣлостокскій полкъ. По несчастной случайности, патруль нашихъ егерей заблудился и, принявъ Бѣлостокскій полкъ за непріятеля, началъ стрѣлять по немъ. Эта страшная ошибка была сейчасъ же замѣчена офицеромъ, и огонь былъ остановленъ, но жертвой этого заблужденія было 16 убитыхъ солдатъ съ своимъ командиромъ полка генераломъ Гинкуль. Человѣкъ лѣтъ 50, постоянно служившій или комендантомъ или плацъ-маіоромъ, но никогда не бывавшій въ бояхъ, Гинкуль только наканунѣ прибылъ въ полкъ и радовался, что можетъ приобрести опытность въ военномъ дѣлѣ; но учиться было уже поздно. Одна изъ пуль попала ему въ сердце.

Послѣ дѣла, я велѣлъ построить еще одно сильное укрѣпленіе на Дунаѣ и этимъ отнялъ у турокъ всякую возможность добывать себѣ фуражъ.

Плѣнные и дезертиры турки рѣшительно объявили намъ, что они терпятъ во всемъ лишенія, и что вообще они недовольны своимъ положеніемъ. Визирь ихъ удерживалъ силою на лѣвомъ берегу Дуная, такъ какъ черезъ дезертирство онъ потерялъ чуть не половину своей арміи. Вообще у турокъ мало отдѣльныхъ дезертировъ и недруговъ ¹⁾, но паши и аги, имѣющіе свои собственныя войска, теряютъ цѣлыя банды, которыя уходятъ отъ нихъ, когда къ тому представляется удобный случай, или когда климатъ дѣлается для нихъ слишкомъ суровымъ.

Мухтаръ и Делли-паши, имѣвшіе въ нашей кампаніи 12.000 албанцевъ, не сохранили у себя и 2.500 чел., изъ которыхъ они потеряли большую часть 23 сентября ²⁾. Эти два паши, которыхъ визирь никакъ не могъ принудить перейти на лѣвый берегъ Дуная, расположились около Рущука только съ 300 ч., были вынуждены отдать визирю всѣхъ остальныхъ своихъ людей.

У визиря осталось только 15 тысячъ, изъ которыхъ 3.500 было конницы, лошади которой были очень худы и изнурены.

этомъ, пояснивъ, что они только поправили свои прежнія ошибки. За то Старонингерманландскому полку возвращены были знамена, отнятыя у нихъ за дѣло 28 августа.

¹⁾ Къ непріятелю дезертируютъ только такіе люди, которые совершили какую-нибудь кражу, убійство и др. преступленія и опасаются за свою голову.

²⁾ Это были сыновья знаменитаго Али-паши изъ Яссины, которые такъ же, какъ и Гузиръ, были совершенно обыкновенными людьми для турокъ, но ужасными чудовищами для насъ.

Не проходило ни одного дня безъ того, чтобы у насъ не происходило боя или перестрѣлки, такъ что мы смѣло можемъ сказать, что мы сражались съ самаго перехода турокъ черезъ Дунай до ихъ сдачи; словомъ, 94 дня подрядъ.

Хотя все это время мы были на бивакахъ и почти всегда находились подъ ружьемъ, у насъ было мало больныхъ; въ войска даже присылали на поправку значительное число выздоравливающихъ изъ госпиталей. Никогда, кажется, нашихъ солдатъ такъ хорошо не кормили, не берегли и не утомляли, какъ во времена Кутузова. Благо-состоянію также много содѣйствовала и погода, такъ какъ ужа-сающія жары, бывшія роковыми для нашихъ войскъ, сильно умень-шились.

Первоначально, визирь, совершая свой смѣлый переходъ, имѣлъ цѣлью помѣшать намъ сдѣлать то же самое, но теперь, по прибытіи съ Днѣстра двухъ дивизій и 6 казачьихъ полковъ, онъ опасался, какъ бы мы сами не перешли въ наступленіе. Онъ, конечно, не зналъ, что намъ строго приказано было вести только оборонительную войну, и что самъ Кутузовъ, по своему характеру, не способенъ былъ ни на какое предпріятіе.

Визирь хотѣлъ снова перейти Дунай и занять зимнія квартиры, когда время года уже не позволитъ намъ двигаться; но когда онъ увидѣлъ, что мы совершенно спокойно оставались на нашихъ преж-нихъ позиціяхъ, то онъ рѣшился построить еще нѣсколько редутовъ и подземныхъ галерей и оставить на зиму, на этой сторонѣ Дуная, 10 тысячъ чел., что для насъ было бы весьма стѣснительно. Такое же приказаніе визирь отдалъ Измаиль-бею, находившемуся около Виддина.

Если бы туркамъ удалось всѣ ихъ планы, то мы были бы при-нуждены окружить ихъ и усиленно наблюдать за ними, что, конечно, было бы слишкомъ утомительно для нашихъ войскъ, и мы бы понесли большія потери; въ другомъ случаѣ, намъ приходилось бы вести правильную осаду противъ этихъ двухъ укрѣпленій. Если бы визирь имѣлъ намѣреніе помѣшать намъ дѣйствовать наступательно, ему не слѣдовало высаживаться у Слободзеи и утверждаться на островѣ Кошара, передъ Рущукомъ, подъ его орудіями, а лучше было бы принудить насъ остаться на мѣстѣ, хотя намъ только и оставалось такъ поступить.

Вотъ уже прошло 6 недѣль, а мы все еще стояли другъ противъ друга. Такое положеніе становилось утомительнымъ, скучнымъ и, наконецъ, прямо постыднымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ было много вы-ходовъ и все болѣе или менѣе хорошихъ, но Кутузовъ ни на что не рѣшался. Армія роптала, а генералы были въ полномъ отчаяніи.

Марковъ, Сабанѣевъ и я, мы долго уговаривали нашего стараго главнокомандующаго рѣшиться на наступательное дѣйствіе, такъ какъ мы твердо были увѣрены въ успѣхъ, что дѣйствительно и случилось, но Кутузовъ ничего не хотѣлъ слушать, и мы только понапрасну теряли время и свой трудъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей палатки, проводя время въ ѣдѣ, тратя на свой обѣдъ по 3 часа, а затѣмъ 2 часа давалъ на отдыхъ своимъ глазамъ и такъ пропадалъ весь вечеръ; утромъ было то же самое: онъ вставалъ въ 10 ч., слушалъ важныя бумаги и дѣлалъ разныя замѣтки, что нерѣдко занимало у него время до обѣда. Въ теченіе всей блокады, онъ ни разу не посѣтилъ ни редутовъ, ни войскъ! Такъ нельзя командовать арміей, но за то онъ былъ счастливъ.

Когда подошли послѣдніе эшелоны 15 дивизіи, то они заняли Слободзею, Каларашъ, Обилешти, Родованъ и пр.; всѣ эти отряды были подъ начальствомъ стараго генерала Гампера, отважнаго и дѣятельнаго генерала.

Мы опасались, чтобы турки не перешли Дуная въ Туртукаѣ, гдѣ можно было очень удобно высадиться, а затѣмъ уже по лѣвому берегу Аржицы идти прямо въ Бухарестъ. По дорогѣ туда не было ни одного ручейка, но были возвышенія, которыя могли бы помѣшать движенію конницы. По правому берегу можно было бы также изъ Туртукая попасть въ Петрики, гдѣ былъ нашъ вагенбургъ, и обойдя съ обѣихъ сторонъ понтонный мостъ, который мы имѣли въ Негоешти, занять его 500 всадниками, пройти мимо Ольтеницкаго редута, откуда наша пѣхота не могла бы преслѣдовать турокъ, могли бы сжечь этотъ мостъ и произвести панику въ Бухарестѣ.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, Кутузовъ призналъ необходимымъ принять серьезныя мѣры и приказалъ: 8 судамъ нашей флотиліи спуститься по рѣкѣ и стать противъ Туртукая; затѣмъ послалъ въ Корнажи, по правому берегу Аржича, полковника Грекова 8-го съ казачьимъ полкомъ; Гамперъ былъ посланъ въ Лунке, гдѣ ему приказано перейти мостъ и стать въ Негоешти. Такимъ образомъ, отряды Гампера и Грекова соединялись въ Слободзеѣ и въ Каларашѣ также установлено сообщеніе за происходящимъ въ Силистріи.

Вскорѣ мы узнали, что въ этомъ городѣ было не болѣе 300—400 вооруженныхъ людей, а остальные жители города были заняты жатвой; въ Туртукаѣ же оставался лишь слабый отрядъ, не имѣвшій даже пушекъ.

Тогда Кутузовъ поднялъ вопросъ, чтобы Гамперъ съ своими отрядами перешелъ Дунай у Силистріи или у Туртукая и, послѣ того какъ онъ займетъ эти мѣста, двинуться по Шумлинской дорогѣ

до самаго Разграда, занявъ который прекратить сообщеніе обозовъ съ арміей визиря. Такъ какъ это былъ послѣдній городъ, черезъ который турецкій обозъ приходитъ въ лагерь визиря, то такая демонстраціи заставила бы его вернуться.

Планъ этотъ былъ безспорно хорошъ, но все-таки онъ не былъ лучшимъ изъ тѣхъ, которые можно бы составить въ нашемъ положеніи.

Изъ свѣдѣній, которыя имѣлись, видно, что, во-первыхъ, визирь перевелъ всѣ свои войска на лѣвый берегъ Дуная, чтобы остановить дезертирство, вслѣдствіе котораго онъ ежедневно терялъ много людей; во-вторыхъ, что на правомъ берегу остались только купцы, прислуга, члены Дивана и дипломаты со свитой, не столь отважной, сколь малочисленной; въ третьихъ — визирь хотя и оставилъ на правомъ берегу свою палатку и экипажъ, но самъ помѣстился въ лагерь; и въ четвертыхъ—для защиты Дивана и дипломатовъ не было ни редутовъ, ни другихъ укрѣпленій.

На основаніи этихъ данныхъ, мы составили слѣдующій планъ: въ одну ночь прекратить сообщеніе черезъ Дунай; послать корпусъ въ 4—5 тысячъ на правый берегъ Дуная и, съ разсвѣтомъ, самимъ напасть на турецкій лагерь.

Мы долго не могли склонить Кутузова на утверженіе этого плана; Марковъ безпрестанно являлся ко мнѣ, и мы вдвоемъ шли къ главнокомандующему, который на всѣ наши доводы часто даже ничего не отвѣчалъ. Сабанѣевъ и адъютанты умоляли меня не терять драгоценнаго времени. Наконецъ Кутузовъ согласился, но только съ неперемѣннымъ условіемъ вернуть отрядъ Гампера.

Это было совершенно лишнее, но разъ уже начальникъ имѣетъ такой слабый и нерѣшительный характеръ, какой былъ у Кутузова, и когда онъ не надѣется на силу своихъ доводовъ, онъ всегда радъ тянуть время, называя это выигрышемъ времени.

Экспедицію эту Кутузовъ поручилъ генер. Маркову, который отправился на рекогносцировку береговъ Дуная и въ 20 верстахъ выше нашего лагеря и въ 5-ти отъ нашей Батинской позиціи, онъ нашелъ сухое мѣсто, весьма удобное для высадки при переправѣ. При тщательномъ осмотрѣ всего берега, онъ не нашелъ ни одного турецкаго пикета ¹⁾.

¹⁾ Я бы могъ принять на себя начальствованіе этой блестящей и почетной экспедиціей и получить за нее Георгія 2-й ст., но я долженъ былъ пожертвовать своимъ честолюбіемъ для общаго блага. Я никакъ не могъ покинуть своего поста, а также и Кутузова, такъ какъ если бы я оставилъ его хоть на минугу, то онъ сейчасъ же послалъ бы отмѣну всѣхъ своихъ приказаній. Послѣ меня, слѣдующимъ былъ Эссенъ, уважаемый всей арміей

Изъ М. Валахіи потребовали находившіеся тамъ 6 баркасовъ, которые должны были служить для охраны высадки. Изъ Турно подогнали всѣ, находившіяся на р. Ольтѣ, суда, и когда все уже было готово, мы убѣдились, что со стороны турокъ не было сдѣлано никакихъ препятствій; но мы могли его имѣть со стороны Кутузова.

Въ ночь на 29 сентября, ген. Марковъ уѣхалъ изъ лагеря и еще до разсвѣта прибылъ въ дер. Петрошаны, гдѣ онъ могъ спокойно оставаться, не будучи замѣченнымъ непріателемъ. Кутузовъ назначилъ ему 14 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 20 двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, что, въ общемъ, составляло около 9.000 чел., т. е. ровно вдвое больше, чѣмъ было нужно.

Въ ночь на 30 число, онъ долженъ былъ переправиться черезъ Дунай въ д. Петрики и 1 октября, съ разсвѣтомъ, быть уже въ турецкомъ лагерѣ. Но флотилія опоздала, и Марковъ сдѣлалъ большую ошибку, прибывъ на мѣсто раньше ея. Повидимому, онъ составилъ неправильный расчетъ, иначе она должна была прибыть въ-время. Оставаясь совершенно одинъ въ деревнѣ и не будучи скрытъ никакой возвышенностью, за которой, въ случаѣ необходимости, могъ бы укрыться, онъ легко могъ быть замѣченъ турками, но къ счастью у нихъ не было ни пикетовъ, ни патрулей по всему берегу.

Цѣлое утро 1-го октября прошло въ безплодномъ ожиданіи перевозочныхъ средствъ, такъ какъ прибыла только половина назначенныхъ судовъ. Тогда Марковъ, чтобы не терять времени, рѣшилъ начать переправу днемъ, на имѣвшихся судахъ. Казаки переправились вплавь и увѣрили, что турки не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія о нашей переправѣ. Лодки были очень малы и вмѣщали въ себѣ мало людей, вслѣдствіе чего переправа про-

и пользовавшійся расположеніемъ Кутузова, который вѣроятно и выбралъ бы его для этого дѣла, но я направилъ его выборъ на Маркова, который имѣлъ большое вліяніе на Кутузова и непремѣнно бы началъ интриговать противъ этой экспедиціи, если бы вмѣсто него былъ назначенъ кто-нибудь другой. Но такъ какъ начальство надъ этой операціей было поручено ему, то мы были покойны, что онъ не будетъ препятствовать нашему дѣлу. Изъ этого видно, что иногда и злость даетъ нѣкоторыя преимущества. Тѣмъ не менѣе, правда заставляетъ меня сказать, что когда Кутузовъ, наконецъ, рѣшился на эту экспедицію и поручилъ ее Маркову, онъ то и дѣло придумывалъ различные способы, которые могли бы способствовать успѣху дѣла. Мнѣ же онъ разъ 20 повторялъ: „Это Вы меня склонили на рѣшеніе, а разъ вино откупорено, его надо пить“.

Онъ пилъ и находилъ хорошимъ вино, хотя оно могло быть и лучше.

должалась цѣлый день и даже ночь на 2 октября. (Большія суда прибыли только къ вечеру).

На лѣвомъ берегу оставались только: Ливонскій драгунскій полкъ (который Марковъ отослалъ обратно), 8 эскадроновъ гусаръ, и 10 пушекъ. Переправа продолжалась 36 часовъ.

Казакъ успѣли уже овладѣть неприятельскимъ обозомъ и фуражемъ, и въ лагерѣ турокъ появились признаки паники. Марковъ началъ сильно опасаться за удачу переправы, которая тянулась слишкомъ долго.

Между тѣмъ, переправившихся ночью 8 баталіоновъ и 600 казаковъ было для него болѣе чѣмъ достаточно; но онъ хотѣлъ дожидаться гусаръ, а тутъ, какъ нарочно, начались разныя неудачи съ судами. Нѣкоторыя изъ нихъ разбивались другъ о друга, другія наполнялись водой и тонули, черезъ это пришлось потерять еще одинъ день, въ который визирь могъ собрать свои войска съ лѣваго берега и построить 3 или 4 редута, которые спасли бы его.

По совѣту ген. Дехтерева, Марковъ двинулся, наконецъ, впередъ. Это было 2-го октября въ 7 час. утра. Въ это время наши казаки захватили турецкаго курьера, посланнаго визиремъ Систовскому коменданту съ благодарственнымъ письмомъ за предупрежденіе, объ отправленіи Зассомъ 6-ти судовъ.

Наши казаки уже заняли возвышенности. Когда же визирь послалъ узнать о положеніи дѣлъ, то посланные имъ или не потрудились хорошенько осмотрѣть, или они дѣйствительно ничего не видѣли (всѣ регулярныя войска Маркова были скрыты въ глубинѣ), но они объявили визирю, что кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которыхъ они приняли за дозорныхъ флотиліи, другихъ войскъ нѣтъ.

Тогда визирь счелъ совершенно достаточнымъ переправиться съ 500 турокъ черезъ Дунай и прогнать казаковъ. Это и былъ единственный отрядъ, съ которымъ Маркову пришлось сражаться.

Визирь упустилъ изъ вида главное правило, которымъ надо руководиться при переправѣ рѣкъ—т. е. никогда не надо раньше утверждаться на противоположномъ берегу, покуда не будетъ обезпечена переправа съ другимъ берегомъ, т. е. не будетъ занято мѣсто или построено укрѣпленіе для прикрытія переправы.

Если бы визирь построилъ цѣлую цѣпь укрѣпленій отъ Лома до Дуная, то его трудно было бы прорвать, и онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы всегда отступить къ Рушуку.

Марковъ достигъ турецкаго лагеря только около 10 ч. утра; онъ сдѣлалъ 15 верстъ по возвышенностямъ, совершенно на виду у неприятеля, но турки не замѣтили его. Съ такими врагами можно легко стать героемъ, и Марковъ, который по натурѣ своей никогда

не былъ героемъ, сдѣлался таковымъ только благодаря добрымъ османамъ.

Онъ только тогда былъ замѣченъ турками, когда ворвался въ ихъ лагерь. 500 турецкихъ всадниковъ напали было на нашихъ казаковъ, но, увидя подходящую пѣхоту, обратились въ бѣгство, тогда наши гусары бросились ихъ преслѣдовать и настигли въ самомъ лагерѣ.

Въ этомъ маленькомъ дѣлѣ у насъ не было и 30 убитыхъ и раненыхъ¹⁾.

Можно себѣ представить то мучительное безпокойство, которое мы переживали во время этого безконечнаго, какъ намъ казалось, перехода Маркова, и ту радость, которую мы испытали при видѣ его успѣховъ. Никогда еще на войнѣ военнымъ не представлялось зрѣлище болѣе прекрасное и забавное (если можно только такъ выразиться).

Съ того холма, возвышающагося на огромной равнинѣ, по которой протекаетъ Дунай и на которой расположены нашъ и турецкій лагери, было отлично видно, какъ наши каре пѣхоты со всѣхъ сторонъ врывались въ турецкій лагерь, а кавалерія преслѣдовала и рубила саблями 200 или 300 несчастныхъ, спасавшихся, въ своихъ туфляхъ, въ Рушукъ. Лошади, верблюды, экипажи—все это было взято нами. Ужасъ и безпокойство царили среди непріятели, тогда какъ наша армія громкими криками „ура!“ привѣтствовала побѣдителей.

Добыча была огромная; турки цѣнили ее въ нѣсколько милліоновъ піастровъ. Мы взяли: 8 пушекъ, 3 большихъ мортиры, привезенныя изъ Рушука, которыми они хотѣли бомбардировать нашъ лагерь; множество съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько магазиновъ пороха, огромное количество патроновъ, снарядовъ, 50 кладовыхъ съ платьемъ, оружіе, пики и разныя драгоценныя вещи;

¹⁾ Гусарь маіоръ Бибииковъ былъ легко раненъ и взятъ въ плѣнъ. Непостижимо, какъ турки, въ этой сумятицѣ, не убили его. Онъ былъ отвезенъ въ Рушукъ, и когда туда прибылъ бѣжавшій визирь и узналъ, что Бибииковъ племянникъ Кутузову, то онъ окружилъ его заботами и черезъ нѣсколько дней отослалъ его къ дядѣ. Онъ бы хорошо сдѣлалъ, если бы оставилъ его у себя, такъ какъ этотъ молодой офицеръ былъ большой интриганъ и весьма опасный человекъ. Благодаря ему и ужасному Николаю Хитрову, зятю Кутузова, произошло несчастіе въ 1809 г. между нимъ и кн. Прозоровскимъ.

1827 г. этотъ молодой Бибииковъ погибъ въ Вильнѣ въ 1812 г. Онъ былъ легко раненъ, но на дворѣ было 28 градусовъ мороза; холодъ растравилъ рану, и Бибииковъ умеръ отъ гангрены.

экипажи и палатки визиря и старшихъ офицеровъ его арміи, министровъ и членовъ Дивана, которые всегда сопровождали визиря; ящики съ золотомъ и серебряными значками, которые визирь раздавалъ солдатамъ за отличіе¹⁾. Мы забрали верблюдовъ, лошадей и даже розовую воду, которую нашли въ изобиліи²⁾.

Теперь, когда лагерь былъ взятъ, позиціи заняты (что было дѣломъ получаса), всѣ лодки турокъ, бывшія на правомъ берегу, были также захвачены, турки, расположенные на лѣвомъ берегу, были окончательно окружены и блокированы.

Послѣ сего, Марковъ долженъ былъ бы оставить 2 батальона съ нѣсколькими казаками и артиллеріей на тѣхъ возвышенностяхъ, гдѣ онъ находился, а самому съ остальными войсками двинуться въ Руцукъ, куда онъ вошелъ бы такъ же легко, какъ и въ лагерь турокъ, такъ какъ ворота были открыты, и въ городѣ никакого гарнизона не было. Мухтаръ и Вели-паша (какъ мы уже видѣли), расположившись лагеремъ около валовъ, удалились и только вечеромъ, убѣдившись, что ни одного русскаго нѣтъ въ городѣ, они вернулись и снова заняли его. Рѣка Ломъ была тогда очень мелка и повсюду приходима вбродъ и, если она и могла составлять какое-либо препятствіе, то единственно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился Марковъ.

Если бы Руцукъ былъ занятъ, то на другой же день весь лагерь, вся непріятельская армія должны бы были сложить оружіе. Визирь не имѣлъ бы никакой возможности спастись, и это былъ бы первый примѣръ взятія въ плѣнъ визиря русскими. Слава и успѣхъ русской арміи достигли бы высшей степени. Аустерлицъ и Фридландъ тогда бы померкли; разнеслась бы молва, что мы взяли всю турецкую армію (конечно, умалчивая, что она состояла изъ 15 тысячъ), такъ какъ всякій предполагалъ бы, что визирь не беретъ съ собой менѣе 100 тысячъ!

Я совѣтовалъ Маркову не терять своихъ преимуществъ и предсказывалъ легкую возможность взятія Руцука, Марковъ отвѣчалъ,

¹⁾ У визиря было 2 палатки; одну изъ нихъ, очень большую, всю вышитую шелками, полковникъ Василій Иловайскій поднесъ Кутузову; но этотъ подарокъ не былъ знакомъ особенной доброты Иловайскаго, такъ какъ онъ себѣ оставилъ тоже палатку, которая была хотя и меньше первой, но зато вся вышитая золотомъ и цѣнилась страшно дорого. Этотъ Иловайскій, братъ Павла, убитаго при Батинѣ, былъ очень хорошій офицеръ, но казакъ въ полномъ смыслѣ слова. Его съ братомъ обвиняли въ томъ, что они силой отняли у казаковъ большую часть ихъ добычи и будто-бы послали на Донъ несмѣтные богатства.

²⁾ Весь нашъ лагерь былъ надушенъ, а солдаты даже наливали розовую воду въ свой сушь.

что таково и его намѣреніе; но этотъ человекъ не былъ способенъ рисковать чѣмъ-либо; онъ былъ счастливъ предшествовавшими удачами и зналъ, что будетъ награжденъ за нихъ, а до остального ему не было никакого дѣла. Изъ этого видно, что на войнѣ характеръ и способности генераловъ могутъ оказывать большое вліяніе на событія.

Какъ часто непонятно слагаются событія и случайности на войнѣ! какъ часто несправедливо и незаслуженно раздаются милости и награды! Кутузовъ и Марковъ были осыпаны ими; правда, эта слава скоро была отнята у нихъ тѣми, которые были въ состояніи ихъ судить и которые знали всѣ подробности этой кампаніи, но, все-таки, сначала ихъ превозносили до небесъ. Кутузовъ, послѣ цѣлаго ряда непростительныхъ ошибокъ, вдругъ видитъ себя увѣнчаннымъ побѣдой, не принимавъ даже участія въ инициативѣ, плодомъ которой была побѣда! Мѣсяць тому назадъ я жаждалъ перехода черезъ Дунай, за что я далъ бы ему фельдмаршальскій жезлъ, и если онъ не удостоился его получить тогда, это не была моя вина, такъ какъ я сдѣлалъ рѣшительно все, чтобы увѣрить его, безъ всякаго труда, не только дѣломъ, но даже и мыслию.

Марковъ, человекъ во многихъ отношеніяхъ не заслуживающій особеннаго уваженія, также и въ отношеніи своей личной отваги и храбрости, одно время стоялъ наравнѣ съ самыми великими генералами не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ. Онъ получилъ высшія военныя награды за то, что, когда представился удобный случай, онъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, сдѣлалъ все, чтобы пропустить его. Если бы его судили такъ строго, какъ онъ заслуживалъ, то онъ навѣрное не былъ бы такъ награжденъ¹⁾.

Въ плѣнъ было взято около 300 чел., которыхъ отправили въ лагерь къ Кутузову. Среди плѣнныхъ находился и завѣдующій провіантской частью, до сихъ поръ еще никогда не выходившій изъ Константинополя. Этотъ провіантмейстеръ, увѣренный, что у насъ ему непременно отрѣжутъ голову, ужасно волновался; когда же онъ убѣдился, что ему не хотятъ причинить ничего дурного, и Куту-

¹⁾ Для своего оправданія Марковъ всегда имѣлъ секретное приказаніе Кутузова—завладѣть лагеремъ визиря и остановиться тамъ. Но если у Кутузова не хватило настолько энергій, чтобы приказать взять Руцукъ, то Марковъ долженъ былъ имѣть ее настолько, чтобы безъ всякаго приказанія овладѣть Руцукомъ. Потери, которыя онъ бы понесъ, не могли сравниться съ блестящими результатами успѣха. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ приказаніи Кутузова и, конечно, если бы зналъ, то сдѣлалъ бы все, чтобы отмѣнить его.

зовъ принялъ его очень ласково, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и, задыхаясь отъ смѣха, началъ рассказывать намъ всѣ подробности бѣдствій, постигшихъ его самого и его товарищей по несчастію. Онъ былъ очень опечаленъ извѣстіемъ, что Кайя-бей (Голибъ-Ефенди) и князь Мурузи успѣли спастись¹⁾. Онъ посвятилъ насъ во всѣ мелочи организаціи снабженія турецкой арміи жизненными припасами, что показало намъ, что офицеры этой части у турокъ гораздо искуснѣе нашихъ въ дѣлѣ снабженія войскъ, что воображеніе наше положительно отказывается представить себѣ.

Оказалось, что визирь тоже былъ въ лагерѣ турокъ, и Марковъ, пропустивъ случай завладѣть Рущукомъ, долженъ былъ бы принять всѣ предосторожности, чтобы не дать бѣжать Ахмету.

Марковъ долженъ бы былъ всѣ турецкія лодки занять егерями и заставить ихъ всю ночь плавать по Дунаю, но онъ не подумалъ объ этомъ, а Кутузовъ не отдалъ никакого приказанія, хотя Сабанѣевъ и я, мы оба просили объ этомъ.

Наша флотилія, посланная для необходимой диверсіи около Мариатина, ниже Рущука, не могла быстро возвратиться обратно, такъ какъ этому мѣшало, теченіе рѣки, и она прибыла только 3-го октября, когда было уже поздно. Визирь бѣжалъ въ Рущукъ въ 9 ч. вечера; погода была туманная и дождливая. Выйдя, никѣмъ не замѣченный, изъ лагеря, онъ бросился въ маленькую лодку и съ помощью двухъ храбрецовъ достигъ города. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова, говоря ему, что Ахметъ найдетъ способъ бѣжать, на что Кутузовъ мнѣ отвѣчалъ: „Я бы этого очень желалъ, такъ какъ у меня будетъ съ кѣмъ вести переговоры о мирѣ, котораго я такъ хочу“. Признаюсь, что глубина этихъ политическихъ соображеній была выше моего ума.

Если бы нами командовалъ Суворовъ, можно было бы навѣрное ожидать, что мы бы не были въ такомъ положеніи, какъ теперь, но если бы, даже случайно, мы были бы поставлены въ такое положеніе, то послѣ успѣха Маркова, Суворовъ навѣрное былъ бы въ Шумлѣ, а можетъ быть и дальше.

Вѣсть о взятіи турецкаго лагеря быстро распространилась по всей странѣ и произвела необычайную панику. Невозможно описать все, что творилось тогда у турокъ: многіе жители бѣжали изъ сво-

¹⁾ Мурузи, человекъ болѣе тонкій и осторожный, чѣмъ турки, предвидѣлъ раньше эту катастрофу и потому уже заранее отослалъ всѣ свои вещи въ Рущукъ, а самъ, какъ только завидѣлъ русскихъ казаковъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Кадыкію. Голибъ-Ефенди поступилъ такъ же, но только гораздо позднеѣ: а потому они оба и не были взяты въ плѣнъ.

ихъ деревень, Шумла оставлена безъ защиты, бѣглецы возвращали транспорты обратно и вернули войска, отправлявшіяся въ лагерь визиря. 20 нашихъ казаковъ въ Разградѣ могли бы изгнать жителей и завладѣть крѣпостями, а черезъ 10 дней наши аванпосты могли бы соединиться съ аванпостами Гампера и Грекова, перешедшими Дунай, одинъ у Силистрии, а другой у Туртукая. Визирь спасся въ Русчукъ, но его легко можно было заставить снова сдаться, если бы только одинъ казачій полкъ, нѣсколько драгунъ и баталіона два пѣхоты, оставленные въ Мариатинѣ, отрѣзали бы ему дорогу изъ Туртукая, а занявъ Пизанцскія дефиле, они также отрѣзали бы ему путь въ Разградъ. Но Кутузовъ не хотѣлъ прибѣгать ни къ одному изъ этихъ способовъ, такъ какъ онъ опять повторялъ, что если визирь будетъ взятъ въ плѣнъ, то некому будетъ вести переговоры о мирѣ.

Спасаясь въ Русчукъ, визирь приказалъ укрѣпить позицію у Кадыкіоя, гдѣ было 5 редутовъ и ни одного защитника. Марковъ, конечно, долженъ былъ отправить туда, въ самый день взятія турецкаго лагеря, 3 или 4 баталіона, но онъ не сдѣлалъ этого.

Визирь, придя въ себя, послѣ первыхъ страховъ, отправилъ туда Джаура-Гассана, который и собралъ тамъ около 2.000 бѣглецовъ и 2 пушки; наши казаки имѣли съ ними небольшое дѣло.

Я посоветовалъ Кутузову приказать Маркову отправить въ Кадыкію ген. Удолина и полковника Иванова, отважныхъ и дѣятельныхъ офицеровъ, съ 38-мъ и 10-мъ егерскими полками. Марковъ послушался, но только онъ непременно хотѣлъ самъ участвовать въ этой экспедиціи. Съ этихъ поръ, я предвидѣлъ, экспедиція не будетъ имѣть успѣха. И я не ошибся. Джауръ покинулъ 4 редута, а самъ заперся въ пятомъ, который легко можно было бы снести, такъ какъ онъ уже былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушенъ выстрѣлами. Храбрые егеря, воодушевленные воспоминаніемъ о приступѣ Ловчи, просились наступать, но Марковъ, осмотрѣвъ издалека редутъ, рѣшилъ отступить, подъ предлогомъ, что онъ могъ быть отрѣзаннымъ войсками, находящимися въ Тырновѣ, что въ 80 верстахъ отъ Русчука, гдѣ кстати никого не было. Оправданіе было еще болѣе постыдно, чѣмъ самое отступленіе.

Марковъ приказалъ пѣхотѣ кричать „ура“ и отступилъ на другой день. Армія воспѣла его въ своихъ пѣсняхъ, но вѣдь пѣсня не беретъ Кадыкію, который такъ необходимо было занять.

Турецкая армія, остававшаяся на лѣвомъ берегу Дуная, ежедневно получала провизію съ праваго берега, но на другой день перехода Маркова, она осталась безъ фуража, безъ провіанта и безъ дровъ. Послѣ бѣгства визиря и стараго паши Корзли-Али, который

спасся вмѣстѣ съ Ахметомъ, молодой Чапанъ-Оглы остался одинъ командовать арміей ¹⁾).

Мы не сомнѣвались въ томъ, что этотъ блокированный турецкій корпусъ, лишенный подвоза продуктовъ и не имѣющій никакихъ надеждъ на спасеніе, долженъ сдаться намъ черезъ нѣсколько дней, но мы ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ.

Визирь увѣрилъ Чапана-Оглы, что онъ соберетъ войска и отброситъ Маркова; но не такъ-то легко было изгнать 8.000 русскихъ, укрѣпленныхъ на возвышенностяхъ, такъ какъ Марковъ на другой день взятія лагеря, приказалъ выстроить 5 редутовъ, изъ которыхъ одинъ былъ настоящей крѣпостью. Для того чтобы прогнать русскихъ изъ ихъ укрѣпленій, нужно было, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ, а визирь не могъ набрать и пяти.

Я уже довольно часто описывалъ умъ и военную организацію турокъ, чтобы снова повторять, что послѣ такого сильнаго пораженія, которое понесла турецкая армія, ни одинъ паша не рѣшится рисковать чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Нѣсколько турокъ, зная, какъ у насъ обращаются съ плѣнными; бѣжали къ намъ и рассказывали, что всѣ тѣ турки, которые уже свдѣли у насъ въ крѣпостяхъ, не желали бы ничего лучшаго, какъ сдаться, но что всѣ янычары были увѣрены, что мы всѣмъ имъ отрѣжемъ головы ²⁾, или отнимемъ все ихъ имущество и оружіе, составлявшее все ихъ богатство.

Что бы ни руководило турками, заставляя ихъ терпѣть всевозможныя лишенія, чтобы только не сдаваться, мы должны признаться, что стойкость и твердость, съ которой солдаты переносили всѣ страданія, были достойны восхищенія. Никогда еще турецкая армія не была въ такомъ ужасномъ положеніи. Уже черезъ три дня послѣ нашего перехода черезъ Дунай, они стали ѣсть своихъ лошадей, поколѣвшихъ отъ голода; эта отвратительная говядина продавалась

¹⁾ Чапанъ-Оглы былъ молодой человекъ, 26 лѣтъ, красивой наружности, хладнокровный по характеру и въ то же время энергичный, мужественный, но въ то же время очень высокомерный и гордый. Его отецъ, отличившійся въ войнѣ съ австрійцами въ 1788 году, имѣлъ 15 чел. дѣтей. Онъ былъ страшно богатъ и могъ вооружить 40 тысячъ чел. Султанъ его боялся и щадилъ его. Его фамилія, также какъ и Саза-Османа, была одна изъ самыхъ первыхъ въ Турціи по древности, богатству и могуществу. Они скорѣе данники, чѣмъ подданные повелителя, и этотъ пашалыкъ переходитъ отъ отца къ сыну. Султанъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы измѣнить этотъ обычай. Это настоящіе азіатскіе типы, очень мало цивилизованные, но великіе во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

²⁾ Начальники поддерживали ихъ въ этомъ мнѣніи, чтобы они не приходили въ отчаяніе.

сначала по нѣастрѣ за фунтъ, затѣмъ дороже, и они, не имѣя ни дровъ, ни соли, должны были ѣсть ее сырою.

Слѣдствіемъ этой ужасной пищи была сильная дизентерія, которая ежедневно уносила 40 или 50 человѣкъ. Имъ было трудно бороться съ этой болѣзью, такъ какъ у нихъ въ лагерь не было ни докторовъ, ни медикаментовъ ¹⁾. Умершихъ своихъ они хоронили очень поверхностно, и поэтому отъ могилъ шель страшный смрадъ, который, соединившись съ запахомъ, происходящимъ отъ дезинтеріи и отъ гнѣющихъ лошадиныхъ труповъ, былъ настолько силенъ, что невозможно было подойти къ лагерю ихъ, и мы сильно опасались чумы.

Марковъ выставилъ противъ турецкаго лагеря 40 мортиръ и пушекъ, изъ которыхъ производилась безостановочная стрѣльба. Ген. Гартингъ приказалъ выстроить, въ 100 фут. отъ праваго фланга турокъ, батарею на 6 орудій, а флотилію размѣстили поперекъ рѣки въ 60 фут. ²⁾. Гартингъ не покидалъ своей батареи, и хотя его предприимчивость всѣмъ была извѣстна, но онъ отдалъ здѣсь такую диспозицію, которая доказала мнѣ, что насколько онъ хорошій начальникъ отряда, настолько плохой инженеръ.

Флотиліей завѣдывалъ Акимовъ, который, оставаясь одинъ, всегда выказывалъ бездѣятельность и безразсудность, но всегда очень энергичный, когда его принуждаютъ дѣйствовать другіе.

Маленькій островокъ, расположенный по срединѣ рѣки, противъ центра турецкаго лагеря, былъ укрѣпленъ, и на немъ была поставлена батарея, которая была снесена по приказу Маркова отрядомъ 6-го егерскаго полка, подъ начальствомъ капитана Гасса, а находившіяся тамъ пушки намъ очень пригодились. Всѣ наши батареи положительно давили турецкій лагерь, особенно батареи Гартинга и флотилія окружали его съ одного конца до другого.

Когда несчастные турки, чтобы избѣжать нашего ужаснаго

¹⁾ Нельзя себѣ представить то преступное равнодушіе, съ которымъ турки относятся къ своимъ раненымъ и больнымъ, и тотъ недостатокъ заботъ, которыми они ихъ окружаютъ. Мы не видѣли ни докторовъ, ни аптекарей, ни хирурговъ, принадлежащихъ къ ихъ арміи. Паша и греческіе князья, служащіе какъ драгоманъ, тѣ еще имѣютъ такъ называемаго врача, обыкновенно какого-нибудь деревенскаго цирульника, но и эти цирульники занимались только тѣми, кому принадлежали, а несчастные солдаты, покинутые въ своихъ палаткахъ на произволъ судьбы, часто умирали съ голоду.

²⁾ Гартингъ поставилъ флотилію такъ, не смотря на всѣ протесты марковъ, и доказалъ мнѣ, что это было возможно, если теченіе не очень быстро. 4—5 лѣтъ назадъ, всѣ офицеры флота и само адмиралтейство письменно дало противное мнѣніе и я уступилъ.

огня, спасались въ свои редуты, я выставлялъ, по-батарейно, по 50 орудій или гаубиць и, стрѣляя гранатами въ ихъ массы, истреблялъ людей, заставляя ихъ возвращаться въ лагерь. Наконецъ, они были принуждены вырыть ямы, въ которыхъ и сидѣли дни и ночи, часто умирая съ голода.

Ни одинъ визирь никогда еще не находился въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ Ахметъ. Онъ потерялъ свою армію, все свои запасы, весь обозъ и чувствовалъ, что онъ можетъ потерять нѣкоторыя крѣпости, а затѣмъ и свою голову. Онъ видѣлъ, что онъ никакъ не можетъ намъ сопротивляться, если мы хоть сколько-нибудь двинемся впередъ; но, несмотря на все это, онъ все-таки вышелъ изъ этого положенія, какъ человѣкъ ума. Суворовъ, какъ-то, сказалъ, что никто не можетъ обмануть Кутузова, даже Рибасъ¹⁾; это было сказано, чтобы польстить его уму. Ахметъ оказался тоньше Рибаса, такъ какъ обманулъ Кутузова; хотя, надо прибавить, нынѣшній Кутузовъ не былъ Кутузовымъ 1788 года.

Какъ странно было видѣть нашего главнокомандующаго, послѣ такого блестящаго успѣха, безпокоющагося за положеніе Маркова. Онъ опасался, чтобы визирь не собралъ свои войска, и чтобы Измаиль-бей не вошелъ въ Видинъ, несмотря на то, что ему нужно было 15 дней для прибытія туда, да онъ и не могъ привести туда болѣе 10 тысячъ чел., которые могли бы угрожать наступленію Маркова. Въ этомъ и состоялъ главный недостатокъ Кутузова, который господствовалъ надъ всѣми его качествами.

Со слѣдующаго дня бѣгства визиря въ Руцукъ, насъ начали одолевать посылаемые имъ парламентеры. Я умолялъ Кутузова не принимать ихъ, требовать сдачи лагеря и Руцука или овладѣть ими однимъ смѣлымъ натискомъ, а затѣмъ идти впередъ, взять Шумлу и поднискать миръ на барабанѣ, у подножія Балканъ.

Я хорошо зналъ турокъ и зналъ также, что если мы не воспользуемся случаемъ соблюсти свои выгоды (что упустилъ гр. Каменскій, послѣ сраженія при Батинѣ), когда изъ страха они рѣшительно на все согласятся, то выказывать имъ слабость и снисхожденіе значитъ—дать имъ возможность почувствовать себя бодрѣе, и тогда они не легко пойдутъ на уступки.

Всякая нація, будь она даже не цивилизованная, гордая, низкая, пресмыкающаяся или заносчивая или неспособная понимать какія-

¹⁾ Мы видѣли въ журналѣ 1790 г., что адмиралъ Рабасъ игралъ большую роль въ войнѣ 1788 г. Это былъ человѣкъ необыкновенно тонкій и ловкій, но страшно безправственный.

либо деликатныя отношенія, всегда принимаетъ доброту и мягкость только за слабость и безсиліе. Доброта же Кутузова увѣрила визиря, что мы были не такъ сильны, какъ онъ предполагалъ раньше, и онъ рѣшилъ заставить насъ потерять драгоцѣнное для насъ время. Онъ правильно разсудилъ, что позднее время года не позволитъ намъ предпринимать крупныя операціи, а этого времени будетъ вполне достаточно, чтобы турки оправились отъ страха и снабдить Руцукъ провизіей.

Все это удалось ему только отчасти. Онъ отправлялъ въ Руцукъ все, что онъ могъ достать у вооруженныхъ мѣстныхъ жителей (часто турецкія войска состоятъ только изъ нихъ). Неподвижный Марковъ нисколько не противился его дѣйствіямъ, такъ какъ Кутузовъ ему ничего не приказывалъ, а съ 500 казаками онъ могъ бы войти въ Руцукъ и остановить подвозъ провизіи, но онъ не сдѣлалъ этого и вообще не сдѣлалъ ничего.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

